

УДК 1(091)

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РИТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ПОНИМАНИЕ РОЛИ АУДИТОРИИ В НЕЙ¹

А. В. Косарев

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
andrkw@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль аудитории и ратора в концепции риторической ситуации. Проанализированы подходы к вышеуказанным проблемам Л. Битцера, Р. Ватца, С. Консиньи. Важное место в статье отведено анализу позиции С. Краузе об особенностях коммуникативного процесса и формировании новой коммуникативной реальности в информационном пространстве, а также Ф. Пашаи, предложившей рассматривать риторическую ситуацию через призму понятия «экология» с атомарной моделью риторического цифрового дискурса вместо линейной. Делается вывод, что нивелирование границ между ратором и аудиторией в цифровом дискурсе затрудняет как моделирование аудитории, так и выполнение риторической ситуацией своей непосредственной функции, заключающейся в снятии социальных напряжений.

Ключевые слова: риторическая ситуация, Л. Битцер, ритор, аудитория, цифровой дискурс, конфликт.

Для цитаты: Косарев, А. В. (2020). Трансформация концепции риторической ситуации и понимание роли аудитории в ней. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 69-82. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.69-82.

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF A RHETORICAL SITUATION DUE TO VIRTUALIZATION OF AUDIENCE

A. V. Kosarev

Institute of philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
andrkw@rambler.ru

Abstract. The paper discusses the role of the audience and the rhetor in the concept of the rhetorical situation. We analyze the approaches of L. Bitzer, R. Watts, S. Consigny. An important place in the paper takes the analysis of the position of S. Krause on the features of the communicative process and the formation of a new communicative reality in the digital space, as well as F. Pashaei, who examines the rhetorical situation through the prism of the “ecology” concept with an atomic model of rhetorical digital discourse instead of linear. We make a conclusion that smoothing the boundaries between the rhetor and the audience in digital discourse makes it difficult both to model the audience and performing the rhetorical situation of its function of relieving social tensions.

Key words: the rhetorical situation, L. Bitzer, rhetor, audience, digital discourse, conflict.

For citation: Kosarev, A. V. (2020). Transformation of the concept of a rhetorical situation due to virtualization of audience. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 69-82. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.69-82.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках междисциплинарного проекта фундаментальных исследований «Конвергенция» № 18-00-01376 (18-00-00760).

Дискуссии о том, какова роль аудитории в процессе убеждения не затихают. Если классическая риторика уделяла львиную долю внимания оратору, то современные риторические исследования отводят важное место самой аудитории. Впервые детально разработанную концепцию аудитории предложил Х. Перельман в рамках риторического направления исследования аргументации [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971]², а затем и в других неформальных подходах аудитория становится одним из главных объектов внимания как ключевой элемент риторической практики.

Среди современных дискуссий особое место занимает обсуждение так называемой «риторической ситуации». Согласно теории риторической ситуации (ТРС), риторика призвана не просто убеждать аудиторию в чем-то, но она может и должна решать критические ситуации. Если перевести это положение в прагматическую область постановки проблем, которая значительно укоренена в эволюционной теории, то риторическая практика должна пониматься как моральный акт, являющийся ответом на критическое напряжение, возникающее в процессе взаимодействия между организмом и его средой, и призванный это напряжение снять [Maskin, 1990, p. 286]. ТРС подчеркивает, что имеется достаточно большой класс проблем, критических ситуаций, которые снимаются не посредством какого-либо физического (механического) воздействия на среду или организм, а посредством дискурса, речевого воздействия. Это ключевой момент в ее содержании, поскольку он обнаруживает значительную область применения вышеупомянутой теории, в частности для урегулирования межнациональных, религиозных и политических конфликтов. Впервые сформулированная Л. Битцером, она претерпевала ряд трансформаций, в которых иначе интерпретировались не только механизмы и принципы ответа на вызовы, но и ее ключевые элементы.

В данной статье нашей целью является не предложить новое прочтение концепции риторической ситуации, а с историко-философских позиций рассмотреть этапы ее трансформации, которые в первую очередь касаются вопроса о том, какова роль аудитории в процессе ее убеждения. Нам могут возразить, что история философии изучает прошлое философии, а ТРС отнюдь не стала достоянием прошлого. Но мы здесь занимаем принципиальную позицию, разделяя положения, изложенные в [Берестов, Вольф, Доманов, 2019], согласно которым, не включаясь в анализ актуальных философских проблем, историк философии вряд ли способен наладить актуальный диалог с прошлым, равно как и транслировать удачные образцы решения ряда проблем из прошлого в контекст настоящих дискуссий.

Та проблема, на которую мы обращаем внимание, напрямую связана с утратой привычных авторитетов в связи с новым укладом информационного пространства в современном мире. Наиболее остро это проявляет себя в научном дискурсе, когда сообщество ученых становится все более и более закрытым для внешней аудитории, далеким от нее, а научно-популярный дискурс этот разрыв компенсировать не всегда может, поскольку, с одной стороны, знание становится все более сложным и специфичным,

² В частности, он предлагает концепцию универсальной аудитории, которая сама служит критерием успешной аргументации [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971, pp. 37-40].

а с другой стороны, сами представители науки, равно как и ее популяризаторы постепенно утрачивают свой авторитет носителей истины «по умолчанию». Постепенно намечается тенденция, особенно ярко проявляющая себя на разных Интернет-площадках, когда представители науки превращаются для широкой публики в тех, кто эту истину скрывает, взамен нее предлагая некий суррогат, ложь, которая позволяет им манипулировать массами, а авторитет набирают обладатели многотысячных «лайков», которые, во-первых, способны объяснить (разумеется, в кавычках, т.е. на понятном аудитории языке и исключительно в рамках самых «продаваемых» тем, ср. феномен «хайпа» в современном медиа- и коммуникационном пространстве), что на самом деле происходит в науке, как на самом деле устроен мир и т.д., а во-вторых, тем самым еще более дискредитируют научное знание. Соответственно, возникает вопрос, может ли официальная наука вернуть себе авторитет в широких (и недостаточно образованных) массах, и какие условия для этого должны быть выполнены. На наш взгляд, ТРС может содержать в себе ответ на этот вопрос, а пошаговый разбор процесса ее трансформации не только содержит в себе рецепт дальнейшего действия для выхода из этой ситуации, но и показывает, каким образом она вообще могла возникнуть, т.е. на каком этапе научный дискурс мог утратить связь с широкой аудиторией.

* * *

В концепции риторической ситуации Л. Битцера [Bitzer, 1968] аудитория рассматривается не сама по себе, как объект воздействия ратора, а как элемент взаимосвязанной системы «затруднение/критическое положение (*exigency*) – ограничения (*constraints*) – аудитория (*audience*)», которая, с одной стороны, испытывает воздействие ратора, способного сместить равновесие этой системы в пользу какого-то разрешения критической ситуации, а с другой стороны, эта система находится как в отношениях взаимовлияния, так и сама влияет на ратора и его действия [Bitzer, 1968]³. Именно эта вовлеченность аудитории в процесс решения конфликтов и ее активная, влияющая позиция делают концепцию риторической ситуации интересной, особенно если рассматривать ее в исторической динамике в зависимости от того, как меняется оценка характера самих аудиторий в XX в.

Критическое положение в концепции Л. Битцера – это один из трех ключевых элементов, который как правило связан с каким-то нарушением в происходящих событиях, со сбоем обычной или ожидаемой последовательности вещей, одним словом, со всем тем, что может быть обозначено как неотложная проблема, затруднение или вызов, требующие часто незамедлительного решения. Однако изменения в риторическом дискурсе зависят не только от точки сингулярности в социальном пространстве, описываемой понятием критического положения. Для Л. Битцера они существенно зависят от воздействия субъектов, чья функция – быть медиаторами изменений в таком дискурсе. Соответственно риторическая ситуация невозможна без аудитории, причем можно брать в расчет даже такие случаи, в которых под аудиторией понимаются субъект, взаимодействующий сам с собой или некие идеальные умы [Ibid, p. 8]. Также понятно, что в техническом смысле «аудиторию» в концепции риторической ситуации следует отличать от просто слушателей или читателей,

³ Мы подробно охарактеризовали концепцию риторической ситуации Л. Битцера в [Косарев, 2017].

принципиально не вовлеченных в дискурс, не испытывающих его влияния и не являющихся медиаторами изменений в нем. Иными словами, в обычных трактовках аудитория играет пассивную роль, т.е. обладает некоторым набором пассивных характеристик: она или может, или не может подвергнуться чарам ратора, и ритор воздействует на «тела» с целью их «оживить», чтобы проявился некоторый эффект, реакция аудитории на его действия. В риторической ситуации аудитория всегда «живая», всегда находится в активной, изменяющей позиции в отношении дискурса, в который она сама вовлечена. Соответственно, особенность риторической ситуации по отношению к обычному риторическому дискурсу заключается в том, что ситуацию формирует не ритор. Он только предлагает решение в уже сложившихся обстоятельствах, и действия ратора сами оказываются детерминированы ситуацией, объективными условиями, в которые он оказывается вовлечен, и в том числе – аудиторией, и она определяет не столько характер действий ратора, сколько исход ситуации, который в классических моделях зависел только от ратора и его умения производить на аудиторию эффект.

Аудитория у Л. Битцера является посредником между совокупностью понятий, идей и последующими изменениями. Первые описывают, оформляют аргументацию, влияют на нее и указывают на то, что любые взгляды, точки зрения, практики, действия значимы, поэтому исключить эти переменные из рассуждения не представляется возможным. Последующие изменения – это основное условие, которое выдвигает Л. Битцер в своей концепции. Траектория следования этих изменений показывает, изменяется ли критическая ситуация в позитивную сторону, устраняется как таковая, или усилия ратора и аудитории не принесли желаемого результата [Ibid, pp. 7-8].

Третий компонент триады – ограничения, которые выступают в роли регулятора направления, которое примет аудитория для решения возникшей критической ситуации, ее практических действий, направленных на требуемое изменение. К ограничениям Л. Битцер относит различные элементы концептуальных каркасов, такие как вероисповедание, установки, свидетельства, факты, традиции, образы, мотивы и т. п. Снова нужно обратить внимание, что такие ограничения всегда обоюдные, они относятся как к ратору, так и к представленной аудитории [Ibid, p. 8]. Однако, согласно Л. Битцеру, первичными в риторической ситуации являются именно обстоятельства, ограничивающие дискурс, – они определяют ответ на них оратора, равно как и реакцию аудитории.

ТРС получила значительный резонанс после публикации статьи Л. Битцера, вызвав как позитивные, так и критические отклики [Vatz, 1973; Consigny, 1974; Biesecker, 1989; Garret, Xiao, 1993; Vatz, 2009]. В большинстве обсуждений разногласия касались понимания тех или иных пунктов теории Л. Битцера, однако никто не выдвигал принципиальных возражений против ее полезности. Основной интерес критиков был сосредоточен на концепции ограничений. Первый отклик на теорию Л. Битцера был сделан Р. Ватцом [Vatz, 1973, p. 157], который, настаивая на том, что риторика определяет ситуацию, а не, наоборот, подстраивается под ситуацию, тем самым фактически осуществил откат риторической концепции на один шаг назад, от Битцера к Перельману⁴.

⁴ О концепции Перельмана мы писали в [Косарев, 2019].

Выбор ритором определенных событий, встраивание их в определенный контекст, подбор специфических событию средств аргументации делает событие актуальным, а не наоборот. С точки зрения Р. Ватца определяющим элементом риторики остается борьба за аудиторию с целью представить ей выбранное событие таким образом, чтобы оно воспринималось аудиторией как обладающее значимостью. Р. Ватц прав, утверждая, что «смысл открывается не в ситуации, но творится риториками» [Ibid, p. 157]. Однако сам Л. Битцер в своей оценке роли риторики еще более категоричен: «Риторика – это способ изменения реальности, но не прямым приложением энергии к объектам, а созданием дискурса, который изменяет реальность, опосредуя мысли и действия» [Bitzer, 1968, p. 4].

Принципиальная новизна теории Л. Битцера заключалась в возвращении риторики к принципам объективизма (постепенно сходящим на нет в XX в. в пользу субъективистских или релятивистских трактовок), поскольку в его концепции ситуацию формирует не ритор, а объективные вызовы, распознаваемые ритором, и его задача заключается только в нахождении решения в уже сложившихся обстоятельствах с учетом предложенного аудиторией направления действия. Иначе говоря, вызовы объективны и распознаются ритором, позиция которых детерминируется этими объективными обстоятельствами. Р. Ватц в свою очередь показывает, что за исключением тех ситуаций, с которыми мы «сталкиваемся в нашей собственной эмпирической реальности, мы узнаем о фактах и событиях посредством сообщения их нам третьими лицами», а это означает, что аудитория обязательно полагается на субъективные коммуникативные механизмы, что, по мнению Ватца, вызывает очевидные вопросы о том, в какой степени составляющие риторической ситуации действительно «объективны» и «публично наблюдаемы» [Vatz, 1973, p. 156].

Тем не менее, в статье 2009 года Р. Ватц признает, что его поправки к концепции оказались не столь существенны и не вызвали значительного интереса со стороны аудитории. Теория Л. Битцера оказалась более интересной для аудитории, если судить по уровню цитируемости их работ, и для Р. Ватца, как представителя риторической дисциплины, реакция аудитории оказывается решающим фактором в признании значимости одной из этих двух концепций [Vatz, 2009]⁵.

Другое значимое возражение на теорию Л. Битцера высказано С. Консиньи, которого можно отнести к сторонникам релятивистской концепции риторики [Consigny, 1974]. Согласно концепции С. Консиньи, задача оратора состоит не в том, чтобы обслуживать сложившуюся ситуацию, адаптируя свой язык и аргументы для целевой аудитории, а в том, чтобы работать в любой аудитории вне сложившихся протоколов и дискурсов, и в таком случае ритор создает риторическими средствами для любой аудитории такую реальность, которая удовлетворяла бы интересам оратора, и тем самым в соответствии с ними изменяла реальность. Видно, что С. Консиньи смещает фокус, у Л. Битцера направленный на автономию аудитории, на более классический вариант значимости роли оратора и пассивный, ведомый характер аудитории.

⁵ Несмотря на «поражение» своей концепции, Р. Ватц формулирует на ее основе так называемую *agenda/spin* модель и адаптирует ее к практике политических дебатов: [Vatz, 2014]. Успешность этой работы для аудитории, имеющей специфический интерес к политике, на сегодняшний день несомненна.

По мнению С. Консиньи, ситуация у Л. Битцера детерминруется эмпирически объективными вызовами, и при этом детерминирует ответ ратора посредством своего контроля над ним: то есть она подразумевает не любой ответ, особенно тот, который отвечает интересам ратора, а только подходящий самой ситуации [Ibid, p. 176]. Это ведет к тому, что сам ритор в формулировке Л. Битцера ничем не отличается от «эксперта или ученого, который может решать конкретные проблемы, используя хорошо сформулированные методы», что, считает он, оказывается просто неверной трактовкой роли ратора. «Задача ратора состоит в том, чтобы решать конкретные проблемы... уметь задавать хорошие вопросы и формулировать или обнаруживать релевантные проблемы в неопределенной ситуации» [Ibid, p. 177].

Анализируя возражение Р. Ватца, С. Консиньи отмечает, что для него ситуация представляется иной: у Р. Ватца риторическая ситуация не детерминируема в принципе, то есть не определяется объективными обстоятельствами, поскольку невозможна вне восприятия интерпретатора. В отношении ратора С. Консиньи утверждает, что Р. Ватц в своем возражении дает в целом верную оценку деятельности ратора как творческой, однако не учитывает ограничивающие ее реальные обстоятельства. Это позволяет С. Консиньи еще раз уточнить задачу ратора. Он не только должен ответить на вопросы или решить хорошо сформулированные проблемы. Он должен сам задавать хорошие вопросы и обнаруживать или формулировать релевантные проблемы в не детерминируемой ситуации: «проблемы не сформулируют сами себя» [Ibid, p. 177]. Иными словами, никто кроме ратора адекватно не сформулирует проблему, которую ему же и предстоит решать релевантными для данной аудитории и ситуации средствами. Однако в целом, предлагая свою версию риторической ситуации и пытаясь примирить две предыдущие антиномичные концепции, сам С. Консиньи предлагает такую интерпретацию, которая, позволяет снять противоречия в первых двух вариантах через роль ратора, формулируя условия, которые позволяют ратору действовать эффективно, однако ее минус, по сравнению с предыдущими двумя, в том, что он при этом полностью нивелирует значения аудитории [Ibid, pp. 178-181].

Наконец, еще одна точка зрения на риторическую ситуацию предложена Б. Бисекер и интересна тем, что сводится не столько к взаимодействию между ратором и вызовами, как в предыдущем случае, сколько к созданию взаимной идентификации ратора и аудитории [Biesecker, 1989, pp. 110-130]. Однако ее концепция представляется нам существенным упрощением в отношении того, как выстраивается понимание риторической ситуации изнутри дискуссии Битцера, Ватца и Консиньи, поскольку в ее итоговой концепции утрачивается интегративная роль ратора, который управляет всем контекстом, как это было в классической схеме взаимодействия ратора и аудитории, что нивелирует все ключевые элементы теории риторической ситуации, существенные для ее понимания, представленные у Битцера.

Таким образом, переосмысление традиционных риторических подходов признает ограниченность ситуаций (у Л. Битцера), и дополняется способностью раторов манипулировать этими ситуациями, а не аудиториями (у Р. Ватца). При этом аудитория играет роль не материала или субстрата, на котором достигается желаемый ратором эффект, а она – полноправный участник процесса управления ситуацией, эффект причиняется не

аудитории, а совместными усилиями ее и ратора проявляет себя в виде изменения самой критической ситуации.

Р. Ватц изложил свою версию риторической ситуации в 1973 г., и в 2009 г. признал ее несостоятельной на основании низкой цитируемости своей работы у читающей аудитории. Тем не менее, именно позиция Р. Ватца, а не Л. Битцера в отношении риторической ситуации оказалась стартовой для Стива Краузе [Krause, 1996], который первым заговорил об особенностях коммуникативного процесса и формировании новой коммуникативной реальности в информационном пространстве или в пространстве Интернета. Сегодня эта и другие работы С. Краузе известны как заложившие основания цифровой риторики, но для нас интерес представляют те его идеи, которые вместе с новыми трактовками риторики предлагают и новые способы понимания и оценки риторической ситуации.

Понятием, специфицирующим особенности риторики в сети Интернет у С. Краузе становится «моментальность» (immediacy), которое подчеркивает стремительность развития ситуации, ее полное развертывание в режиме реального времени, что требует от ратора и аудитории безотлагательной реакции на ситуацию, а потому исключает возможность управления дискурсом как со стороны ратора, так и изнутри самой риторической ситуации. С. Краузе понимает Интернет как специфическую виртуальную среду социального взаимодействия, обладающую своими собственными уникальными реалиями, что влечет за собой и особые условия существования в этой среде. Под эти новые реалии подстраиваются и коммуникативные ситуации в целом, и риторические – в частности. Именно поправка на особенности коммуникации в виртуальной среде позволила С. Краузе выйти на новый виток в понимании развития и эволюции концепции риторической ситуации.

С. Краузе выделяет ряд особенностей коммуникативной ситуации в новой информационной среде, которые существенно изменяют оценку риторической ситуации и размыывают ее критерии [Krause, 1996]⁶:

– практика дискурса в виртуальной среде функционирует, не следуя классическим и современным правилам контекста и коммуникативной ситуации;

– в ситуации, где каждый может одновременно и говорить, и слушать, выступая поочередно как в роли ратора, так и в роли аудитории, проблематично оставаться «ритором» в классической трактовке этого термина;

– виртуальное коммуникативное пространство обладает специфической географией и свойствами: свободная навигация в коммуникативной среде позволяет аудитории и самому ратору в любой момент покинуть область критической ситуации, переходить в другие области с максимальным доступом к информации (актуальные новости, текущие котировки, справочники и пр.), и в любой момент возвращаться обратно (до, после, во время самой критической ситуации), особенно если она разворачивается как последовательность текстовых сообщений;

⁶ Krause S. The immediacy of rhetoric: Definitions, illustrations, and implications (Ph.D. Dissertation). Bowling Green State University, 1996. [Online]. Available at: <https://people.emich.edu/skrause/Diss/> (Chapter 4: The Internet as an immediate rhetorical situation) (accessed: 19 June's 2020).

– «эффект присутствия» в месте и времени дискурса, независимо от того, где и когда он формируется: дистанция, география, время взаимодействия определяются и задаются только технологиями и не зависят от реального местоположения агента дискурса;

– затруднено поддержание иерархии, субординации, нарушено чувство авторитета, поскольку все коммуникативное и информационное пространство связано и построено таким образом, что доступ к нему могут получить любые множественные риторы и аудитории;

– официальные, авторитетные источники вынужденно конкурируют с удаленными и потенциально недостоверными сообщениями каких угодно людей, имеющих доступ к Интернету.

Все эти проблемы размывают границы риторической ситуации, так как, мы помним, риторическая ситуация у Л. Битцера необходимо локализуется в конкретном месте и времени, но этот же нюанс позволяют С. Краузе говорить об Интернете как о моментальной риторической ситуации.

Формулируя свою концепцию, С. Краузе соглашается с Р. Ватцем, что обозначить границы между риторическими ситуациями проблематично – они растворяются в силу отсутствия апелляций к «истине», становится невозможным разграничить реальные риторику и риторические ситуации с их симуляциями [Krause, 1996]⁷. Решение надуманных проблем отнимает столько же усилий, как решение действительно важных, но найти критерий, позволивший бы отличить одну от другой, крайне сложно. По его мнению, акт выделения и обозначения критического положения (*exigency*) в моментальной риторической ситуации является произвольным, его невозможно точно смоделировать не только из-за быстрой смены самих ситуаций, но и из-за быстрой смены ролей между оратором и аудиторией. Очевидно, что и сами риторы в таких обстоятельствах уже не существуют как автономные, самодостаточные субъекты дискурса, способные самостоятельно создавать и решать риторические ситуации. Отсюда С. Краузе черпает основания для возражений всем сторонникам «классической» концепции риторической ситуации. Ритор уже не в состоянии увидеть и почувствовать критическое, правильное время для возникновения риторической ситуации, он не может также использовать это правильное время для создания такой ситуации, поскольку, как отмечает С. Краузе, непосредственные риторические ситуации – это прежде всего те, которые не могут проследить свое происхождение до какого-либо особого критического положения. В такой трактовке риторика перестает быть «управляющим» и «универсальным» искусством: ни управлять таким дискурсом, ни универсализировать его практически невозможно, поскольку синтез ролей основных участников дискурса происходит непосредственно в самой ситуации. Иными словами, в классических обстоятельствах такие категории как ритор и аудитория всегда рассматривались как стабильные, неизменные, С. Краузе же настаивает, что эти роли в информационном пространстве коммуникации динамичны и формируются в ответ на запрос самой

⁷ Krause S. The immediacy of rhetoric: Definitions, illustrations, and implications (Ph.D. Dissertation). Bowling Green State University, 1996. [Online]. Available at: <https://people.emich.edu/skrause/Diss/> (Chapter 1: The context of context: an abridged history of «kairos» and «the rhetorical situation», Context and the Rhetorical Situation in the 20th Century) (accessed: 19 June's 2020).

моментальной ситуации. Иначе говоря, в концепции Л. Битцера мы могли толковать возникшее критическое положение как некоторую точку социальной сингулярности, отметить явное нарушение привычного хода событий, ритма жизни, и понятно, что эта точка является внешней для системы «ритор – аудитория».

У С. Краузе точка сингулярности внесена в эту систему, участники дискурса как будто постоянно, *одномоментно* находятся в этой точке сингулярности, а потому любой произвольный момент дискурса может быть истолкован как критическое положение. Именно поэтому невозможно установить одну конкретную критическую ситуацию или исходную причину для того или иного вопроса, темы в процессе обсуждения. Дискуссии и темы в Интернет-пространстве часто кардинально меняют свое направление и могут порождать дополнительные ветви дискуссии, порой никак не связанные с материнской ветвью. То, что мы могли посчитать критическим положением для инициализирующей дискуссии, уже не будет являться таковым для данной ее точки. Но участники дискуссии, находящиеся «здесь и сейчас» в определенной точке дискурса, могут воспринять ее как точку сингулярности, среагировав на какое-то сообщение, даже не связанное с исходным ни тематически, ни содержательно. Обсуждение некоторых тем на Интернет-форумах иногда длится годами, и разве что модератор темы способен восстановить исходную критическую ситуацию и весь процесс изменения дискурса. Все это делает моментальную риторическую ситуацию нелинейной и неупорядоченной.

Другой аспект моментальной риторической ситуации – динамическая роль ратора. Оратору нет необходимости физически присутствовать перед аудиторией и поэтому, оставив первое сообщение, он примыкает к аудитории, а роль ратора уходит другому. В одном и том же дискурсе могут возникать разные полюса дискуссии с разными ораторами и членами аудитории, и зачастую, кто возьмет на себя роль ратора, а кто аудитории, зависит только от контекста, в котором будет развиваться дискуссия. Фактически, участники дискурса сами решают, будут ли они включаться в поток обсуждения, и если будут, то в каком качестве – ратора или аудитории. Момент, с которого зритель включается в дискуссию в качестве аудитории (мы помним, что аудитория в риторической ситуации всегда занимает активную позицию, она активна и не является незаинтересованным зрителем), всегда произволен. Он может зависеть не только от направления дискуссии, но и от внешних факторов, которые могут не позволить зрителю продолжать играть роль риторической аудитории, например, от качества связи и программного обеспечения. Еще один элемент произвольности вносится тем, что ни ратору, ни его аудитории нет необходимости принимать участие в дискурсе, проводимом в определенной географической точке, лично присутствуя там. Это в свою очередь накладывает определенные ограничения на разрешение риторической ситуации: ритор или аудитория, находясь в другом географическом, социальном, культурном и т. д. пространстве, легче теряет контекст, что может повлечь аргументы, которые не адекватны среде, проблемам, культурному и социальному фону изначально инициированной ситуации.

Непостоянство компонентов моментальной риторической ситуации делает ее крайне изменчивой и непредсказуемой. Если риторическая ситуация у Л. Битцера могла быть использована в том числе и для устранения реальных физических опасностей, моментальная риторическая ситуация, какой она видится С. Краузе, сама может представлять опасность.

Происходит это в силу отсутствия определенных границ, а также ролей у акторов, что не только не стимулирует социальное действие, но и затрудняет его, отдаляет акторов от реальности, погружая в симуляции естественных процессов и взаимодействий. Иными словами, моментальная риторическая ситуация в Интернет-среде может не устранять конфликты, а напротив, породить их.

Еще один ключевой момент моментальных риторических ситуаций мы отмечали в качестве одной из главных проблем виртуальной коммуникации: в виртуальной среде размывается авторитет ратора, и апелляция к авторитету или эксперту уже не играет роль сильного аргумента. Как подчеркивает С. Краузе, действительно влиятельный и авторитетный источник теряется за хаосом голосов на форумах, за множественными списками рассылок, за сомнительной достоверностью фактов, вбрасываемых в обсуждение. Однако такое разрушение устоявшихся авторитетов и иерархий может иметь положительные коннотации для моментальной риторической ситуации, поскольку право голоса получает тот, кто прежде не только не имел возможности высказаться, но даже тот, кто вообще не имел права говорить в силу социального, возрастного или любого другого ограничения.

Эта идея стала отправной точкой для работы Фатимы Пашаи [Pashaei, 2010]⁸. Новизна подхода Ф. Пашаи в том, что она предлагает рассматривать риторическую ситуацию через призму понятия «экология», подразумевая за действиями ратора и аудитории формирование целой экосистемы. Другой особенностью работы Ф. Пашаи является объект ее исследований. Она исследует блоги о мусульманском обществе и о самобытности мусульманской культуры, и приходит к выводу, что именно блогосфера с открытой, моментальной риторической ситуацией, во-первых, позволяет впустить в дискурс об исламе тех, кто до недавнего времени и в рамках самого исламского общества в принципе бы не имел возможности высказать собственную точку зрения об исламе, во-вторых, это позволяет затронуть темы, недопустимые с точки зрения классической линейной модели дискурса, где право говорить доступно только авторитетному лицу, и наконец, такого рода разговоры вокруг ислама формируют особое сообщество, особый открытый интерес и определенную экологию вокруг мусульманской темы, позволяя дискурсу охватывать максимально широкие массы людей, в тоже время устраняя стереотипы и мифы.

Что касается моделирования риторической ситуации, то Ф. Пашаи предлагает атомарную риторическую модель дискурса взамен привычной линейной, от которой вынужден был отказаться С. Краузе, и которая, судя по всему, не работает в цифровых условиях. С ее точки зрения контекст, формирующий вызовы, аудитория как дискурсивная публика и автор блога как ритор вращаются вокруг дискурса, как электроны вокруг ядра атома. Это дает Ф. Пашаи возможность подчеркнуть динамическую природу риторической практики и «отражает множество потребностей, управляющих взаимодействием между

⁸ Кто-то может возразить, что работа Ф. Пашаи – это магистерская диссертация, и брать ее в расчет для оценки трансформации концепции риторической ситуации было бы поспешным действием, но мы считаем важным и показательным этот факт, поскольку для нас он означает, что выкладки С. Краузе не только актуальны, но и созвучны настроениям молодого поколения.

автором (блогером) и аудиторией во время распространения риторики во времени, обществе и пространстве» [Pashaei, 2010, p. 33].

Важным следствием из рассуждений С. Краузе и Ф. Пашаи является новое понимание роли аудитории по сравнению с той, которая отводилась ей в классических риторических ситуациях. Аудитория перестала быть беспристрастным наблюдателем. Интернет-среда предоставила и риторике, и аудитории возможность общаться с людьми, с которыми они не встречаются и не взаимодействуют в обычной повседневной практике. Изменился и масштаб их взаимодействия, поскольку, к примеру, такой жанр Интернет-письма как блог, реагирует не на отдельное событие, а на определенный тип культурного контекста и социальных потребностей в обществе. Ф. Пашаи, изучая исламские блоги, приходит к выводу, что они появляются в силу потребности высказаться о различных версиях и смыслах ислама. Иначе говоря, ритор работает не на актуальную аудиторию, которая может не разделять его точку зрения, а на «потенциальную». Такое понимание аудитории проблематично для теории Л. Битцера, поскольку в ситуации реального, не опосредованного цифровым контекстом, взаимодействия трудно представить себе сложившийся дискурс там, где обращение ратора не может быть адаптировано к конкретной аудитории. Однако Ф. Пашаи разделяет позицию Р. Ватца, полагая, что как только тот или иной аргумент будет опубликован, он сам создаст свою собственную аудиторию.

Разумеется, это входит в конфронтацию с традиционной моделью коммуникации, согласно которой риторы оформляют свою речь, свое обращение к аудитории, имея некоторое представление о своей аудитории, что дает им возможность смоделировать и саму аудиторию, и ее реакцию на сообщение, исходя из самоидентификации аудитории и набора ее убеждений. Исходя из концепции Л. Битцера, такое положение дел обрекает ратора только на то, чтобы заставить аудиторию принять заявленный аргумент, но он не сможет создавать никаких изменений, радикальных трансформаций социальных процессов или отношений, что предполагала исходная концепция риторической ситуации. Однако, Ф. Пашаи полагает, что приняв аргумент, аудитория автоматически принимает и необходимость радикальных изменений [Pashaei, 2010, p. 233]. Кроме того, неопределенность виртуальной аудитории, представляющей собой множество индивидов, обладающих произвольным набором идентичностей и социальных отношений, облегчает ротору его задачи: потенциально в бесконечном разнообразии виртуальной (потенциальной) аудитории он с необходимостью встретит требуемые идентичности.

Тем самым, мы видим, что за последние 50 лет представление о риторической ситуации, задача которой – решать затруднения различного характера, например, нивелировать социальные конфликты, трансформировалось не существенно до тех пор, пока новая цифровая реальность не внесла в нее радикальных изменений. Наиболее сложным элементом риторической практики всегда были предварительная оценка и моделирование аудитории, что непосредственным образом сказывалось на успешности ратора и принятии его аргументов. Развитие цифровой риторики показало, что ритор в цифровом контексте может оказаться успешным даже без предварительной работы с аудиторией – она по умолчанию настолько обширна и гибка, что обращение ратора само способно сформировать необходимую и адекватную для предлагаемого дискурса аудиторию. Это существенным

образом упрощает разного рода обращения к аудитории в современном мире, в частности, например, в научно-популярном дискурсе, когда автор научно-популярного текста может не задумываться об уровне знаний своей аудитории, о степени доступности и убедительности своего материала, работая на потенциальную аудиторию.

Л. Битцер отмечал, что ни в одном из специфических дискурсов – научном или поэтическом – аудитория не играет живой активной роли. К примеру, ученые получают свои результаты вне зависимости от внешней аудитории, от ее мнения по поводу исхода и значимости того или иного исследования [Bitzer, 1968, p. 8]. Именно поэтому аудиторию, которой адресованы научно-популярные тексты, следует отличать от *риторической* – она не является медиатором в процессе научного исследования, а служит пассивным потребителем научных результатов, неспособным повлиять на исход дискурса. Однако такое отношение к аудитории оказало медвежью услугу научному и научно-популярному дискурсу, – она просто «ушла» к более понятным и ярким ораторам. Фактически этот процесс оказался аналогичным тому, как обстояло дело в классической римской публичной риторике: кто громче, ярче и зажигательней кричит, кто более доходчив, харизматичен, понятен и т. п., к тому и поворачивается толпа. Не бывает оратора, которого публика будет слушать с интересом по умолчанию, что бы и как он не говорил.

Тем самым, наиболее очевидное решение для научного и научно-популярного дискурса в связи с утратой широкой аудитории – выходить на те площадки, куда перешла аудитория и стараться вовлечь ее в собственную практику, как бы ни трудно это было в нынешних условиях дифференциации научного знания, максимально повысить свою активность в той среде, которая не требует специальной работы с аудиторией, работать не исключительно с заинтересованной аудиторией, а нацеливаться на потенциальную аудиторию, способную формироваться вокруг любого достаточно активного дискурса.

Однако, у нас есть сомнения, что потенциальная аудитория сохраняет возможности риторической ситуации по преодолению кризисов, конфликтов и т. п., поскольку как потенциальная, эта аудитория все же лишена *потенции* активно, рационально и сознательно действовать с учетом, с одной стороны, вызовов, с другой стороны – предлагаемых ритором решений.

Список литературы / References

Берестов, И. В., Вольф, М. Н., Доманов, О. А. (2019). *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск.

Berestov, I. V., Wolf, M. N., Domanov, O. A. (2019). *Analytical history of philosophy: methods and research*. Novosibirsk. (In Russ.)

Косарев, А. В. (2019). О риторической теории аргументации Х. Перельмана. *Сибирский философский журнал*. Т. 17. № 2. С. 174-188.

Kosarev, A. V. (2019). On Ch. Perelmans Retic Theory of Argumentation. *Siberian philosophical journal*. Vol. 17. no. 2. pp. 174-188. (In Russ.)

Косарев, А. В. (2017). Прагматизм и риторика: эволюция понимания коммуникативной ситуации. *Сибирский философский журнал*. Т. 15. № 2. С. 226-242.

Kosarev, A. V. (2017). Pragmatism and rethoric: evolution of understanding the communicative situation. *Siberian philosophical journal*. Vol. 15. no. 2. pp. 226-242. (In Russ.)

Biesecker, B. (1989). Rethinking the Rhetorical Situation from Within the Thematic of Differance. *Philosophy and Rhetoric*. Vol. 22. no. 2. pp. 110-130.

Bitzer, L. F. (1968). The Rhetorical Situation. *Philosophy and Rhetoric*. no. 1. pp. 1-14.

Consigny, S. (1974). Rhetoric and Its Situations. *Philosophy and Rhetoric*. no. 3. pp. 175-186.

Garret, M., Xiao, X. (1993). The Rhetorical Situation Revisited. *Rhetoric Society Quarterly*, Vol. 23. no. 2. pp. 30-40.

Krause, S. (1996). *The immediacy of rhetoric: Definitions, illustrations, and implications* (Ph.D. Dissertation). Bowling Green State University. [Online]. Available at: <https://people.emich.edu/skrause/Diss/> (Accessed: 28.09.2020)

Mackin, J. A., Jr. (1990). Rhetoric, Pragmatism, and Practical Wisdom. In J. A. Mackin, *Rhetoric and Philosophy*. New York, London. Routledge. pp. 275-302.

Pashai, F. (2010). *Unstable situations: A rhetorical approach to studying blogs about Muslims*. (Master's Thesis). Fairfax, VA. George Mason University.

Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. (1971). *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre Dame. University of Notre Dame Press.

Vatz, R. (2014). *The Only Authentic Book of Persuasion: The Agenda. Spin Model. 2nd edition*. San Francisco. Kendall Hunt Publishing.

Vatz, R. (2009). The Mythical Status of Situational Rhetoric: Implications for Rhetorical Critics' Relevance in the Public Arena. *The Review of Communication*. Vol. 9. no. 1. pp. 1-5.

Vatz, R. (1973). The Myth of the Rhetorical Situation. *Philosophy & Rhetoric*. Vol. 6. no. 3. pp. 154-161.

Сведения об авторе / Information about the author

Косарев Андрей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: andrkw@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 12.09.2020

После доработки 18.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Kosarev Andrey – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: andrkw@rambler.ru.

The paper was submitted 12.09.2020

Received after reworking 18.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020